

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ СЕРБИИ В 80-е гг. XX в.:
МЕЖДУ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ДИСКУРСОМ И
ЭТНОНАЦИОНАЛИЗМОМ**

Распад Социалистической федеративной республики Югославии на рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. стал результатом системного кризиса, составляющими элементами которого стали кризис центральной власти, кризис межнациональных отношений и глубокий экономический кризис. Одним из симптомов кризиса межнациональных отношений стало возрождение идеологии этнического национализма в республиках Югославии, в том числе и в Сербии, где возрождение национализма в западной историографии, в частности, принято связывать с Меморандум Сербской академии науки и искусства (далее – Меморандум САНУ) 1986 г.

Кризис центральной власти спровоцировало принятие Конституции Югославии 1974 г., которая положило начало фактическому переходу страны к конфедеративному устройству. Согласно новой Конституции республики и автономные края в составе Югославии наделялись очень широкими полномочиями, снижались экономические и политические функции союзного государства. В его компетенции оставались только «обеспечение независимости и территориальной целостности страны; регулирование трудового права; вопросы экономического планирования, функционирование валютной системы, платежного обращения; государственной безопасности, внешней политики и экономических отношений с другими государствами». Одновременно, республики «становились ответственными за экономическое и политическое развитие на своей территории»¹. Республиканским парламентам разрешили широкую законодательную деятельность, сотрудничество с международными организациями, в составе Скупщины СФРЮ появилась самостоятельная палата «Вече республик и краев». Наиболее негативно принятие новой Конституции сказалось на положении Сербии: автономные края в составе республики Сербии (Косово и Метохия и Воеводина) получили широкие полномочия, фактически равные респуб-

ликанским, а республика практически утратила значительную часть собственного суверенитета. Тем самым после смерти Й. Броз Тито в 1980 г. был запущен механизм дезинтеграции федерации, формирования на республиканском и краевом уровне этнократических кланов² и возрождению идеологии этнического национализма, в результате чего к 1985 году центральное руководство государственных и партийных органов страны оказалось практически парализованным.

Другим составляющим системного кризиса стал кризис межнациональных отношений в республике. Детонатором этого кризиса и дальнейшего распада страны стали события в автономном крае Косово и Метохия весной 1981 г. В условиях относительной политической свободы, утвердившейся в Югославии после смерти Э. Карделя в 1979 г. и Й. Броз Тито в 1980 г., события в Косово стали не только главной причиной острейшего противостояния в партийно-политическом руководстве СФРЮ, приведшем к формированию республиканских этнократических кланов, но и привели к организационному оформлению системной оппозиции, ядром которой становится сербская *критическая интеллигенция*. Именно Белград начала восьмидесятых годов становится центром интеллектуальной жизни в Югославии, в нем формируются первые правозащитные организации. Своеобразным ядром этого движения стал Комитет в защиту свободы мысли и выражения, в котором были члены Союза писателей Сербии и Сербской Академии науки и искусства во главе с Добрицей Чосичем.»³, человека с высочайшим авторитетом национального сербского писателя и последовательного противника «антисербской политики» эпохи Й. Броз Тито. Именно сербская критическая интеллигенция впервые поставила в повестку дня обсуждение ранее табуированных в Югославии проблем исторических судеб сербского народа в XX веке.⁴

Белградский информационный журнал НИИ охарактеризовал 1983 г. как год «пролома в истории». Пересмотр прошлого, который охватил все сферы югославской науки, культуры и средств массовой информации в 80-е гг. можно сравнить, и по интенсивности культурной активности и по прогрессирующему оживлению национализма, с культурными процессами шестидесятых, считает автор исследования сербской *критической интеллигенции* 80-х гг. Я. Драгович-Сосо.⁵ Но, однако, размах ревизии истории и вызов, который тем самым был брошен коммунистической власти, превосходил всё, что страна переживала до этого. Именно близкие к «кружку Д. Чосича» сербские историки, поэты и писатели, драматурги и художники своими произведениями создали ситуацию, когда к середине 80-х гг. «сербский вопрос» становится самой актуальной темой

в Белграде, а судьба Косово, таким образом, превращается в проблему не только сербов и албанцев, проживающих в этом крае: для оппозиционной Сербии, этот вопрос становится вопросом сохранения сербской идентичности и выживания сербов».⁶

За период между событиями в Косово и приходом к власти в Сербии Слободана Милошевича (1981-1987 гг.) сербская интеллектуальная оппозиция претерпела серьезную трансформацию: она прошла путь от правозащитной деятельности, которая распространялась на всех югославских оппозиционеров, до защиты исключительно сербских национальных интересов. За шесть лет после косовских событий оппозиция установила прочные связи с сербами в Косово и Метохии, с протестными акциями косовских сербов в Белграде и повсюду осуществляла сильное давление на институты системы. Уже к 1986 г. сербская *критическая интеллигенция* была хорошо организована, она имела институты, которые осуществляли сильное давление на саму партийно-политическую систему. Эти институты (хотя ещё не столь влиятельные по сравнению с властью) установили очень хорошие отношения с представителями иностранных СМИ в Белграде, а через них и со значительным количеством интеллектуалов или политиков на Западе.⁷ Нерешительность или неспособность сербского руководства остановить это давление повышало напряженность внутри самой политической элиты, прежде всего между Сербией и другими республиками, а также между Сербией и федеральными институтами.⁸ Все это создало и кризис внутри самого сербского руководства, которое должно было решить как дальше себя вести по отношению к новому противнику. В результате партийно-политическое руководство Сербии разделилось на тех, кто стремились к решительным действиям против оппозиции и тех, которые стремились к некому компромиссу с ней. Именно в такой ситуации И. Стамболич, председатель Президиума Сербии весной 1986 г. впервые обратился к руководству Сербской академии науки и искусства (САНУ) с настоятельной просьбой высказать своё мнение по актуальным экономическим и политическим вопросам.

Толчком к созданию Меморандума САНУ стало резкое обострение ситуации в Косово в мае 1985г., связанное с т.н. делом Д. Мартиновича (жестоким издевательством группы албанцев над сербским военнослужащим). Уже 23 мая 1985 года на собрании Академии наук и искусства было принято решение о формировании «Комитета по подготовке Меморандума об актуальных общественных вопросах», в который первоначально вошли 16 членов САНУ: Павле Ивич, Антоние Исаакович, Душан Каназир, Михайло Маркович, Милош Мацурра, Дейан Медакович, Мирослав Пантич, Никола Пантич, Любиша Ракич, Рад-

ван Самарджич, Миомир Вукобратович, Василие Крестич, Иван Максимович, Коста Михайлович, Стоян Джелич и Никола Чобелич. Первое заседание комитета состоялось 28 июня 1985 года, на нем председателем был избран Д. Каназич, вице-председателем – А. Исакович, была утверждена схема документа. Позднее комитет был переименован в «Комиссию по подготовке Меморандума об актуальных общественных вопросах», его состав расширился до 23 человек, и это временное образование в течение 1986 г. провело пять заседаний, последнее из которых состоялось 23 сентября⁹. А на следующий день 24 сентября в Белградской газете «Вечерние новости» появилась статья, в которой говорилось о тайной работе Академии над документом, который «призывает к братоубийственной войне и новым потокам крови»¹⁰. Был опубликован рабочий, несогласованный текст (на заседаниях комиссии и рабочих групп удалось согласовать только 30 страниц из 73). Большинство версий публикации незавершенного документа сводятся к тому, что автором публикации был зять члена Комиссии академика Й. Джорджевича, журналист А. Джуканович,¹¹ который без разрешения опубликовал отрывки из незавершенного Меморандума в своей статье, которую назвал «Призывом к безнадежности».

Сразу после публикации Меморандума, этот документ накрыла волна инспирированной властями критики. Так газета «Сегодня» назвала Меморандум «Шовинистическим памфлетом», «Политический экспресс» – «Торговлей совестью», «Борьба» писала о нем – «Не случайность, но закономерность», «Политика» – «Меморандум – ненависть как принцип», а журнал «Коммунист» назвал его «Меморандумом разрушения».¹²

Но, заслуживал ли этот документ такой жесткой оценки прессы? Вероятно, нет. Дело в том, что Меморандум САНУ можно условно разделить на две части, первая из которых посвящена общему положению дел в СФРЮ. Здесь авторы подробно пишут о кризисе в Югославии, анализируя его причины, разбирая его элементы. Так, документ содержит крайне негативную оценку Конституции 1974 г.: «Югославия из федерации превратилась в конфедерацию»,¹³ «Конституция 1974 года в действительности разделила Сербию на три части. Автономные области были поставлены в равное положение с республиками, единственное различие между ними состоит в том, что они не были определены, как государства. Но они могут вмешиваться во внутренние дела Сербии через общереспубликанскую Скупщину, тогда как их собственные парламенты полностью автономны»¹⁴. В действительности авторы Меморандума критиковали «антиисторические тенденции» в развитии страны, в том смысле, что югославская федерация практически превращалась в конфедерацию. «Идеология

карделизма, по их мнению, отдавала преимущество концепции национальности и территориальности, а две югославские республики (Словения и Хорватия) и дальше защищают эту идеологию»¹⁵.

Корни экономического кризиса авторы Меморандума видели еще в 60-х годах, когда экономический рост стал снижаться, а автаркические тенденции на уровне республик и автономий привели к дезинтеграции единого экономического пространства. Однако непосредственные причины кризиса заключались не только в экономической, но и в самой политической системе Югославии. Наиболее острой критике была подвергнута концепция «национальных экономик» Э. Карделя как чисто идеологическая концепция, «которая забывала экономические закономерности, опираясь на сознание людей, а не на их интересы»¹⁶

Авторы Меморандума констатируют наличие «морального кризиса», многочисленные причины которого, как говорят авторы, имеют глубокие исторические корни. «В нашем обществе существует моральный кризис, вызванный идеологическим кризисом, отказом от программы революции, отклонение от общепризнанных социалистических идей и принципов, несоответствие между словом и делом со стороны политического руководства...»¹⁷. Таким образом, первая часть Меморандума ставит своеобразный диагноз системному кризису в Югославии, оставаясь при этом в рамках традиционного югославистского, интернационалистического выбора и социалистического нарратива.

Вторая часть документа напрямую посвящена национальному вопросу, в частности, положению Сербии в составе федерации и сербов в составе республик и автономных краев, в первую очередь в АК Косово и Метохия.

Академики, авторы Меморандума, отмечают факты ограничения использования национального языка, соблюдение национальных традиций в других республиках Югославии. Они пишут о сокращении численности сербского населения не только в Косово, но и других республиках. Например, в Хорватии, где, по сведениям авторов Меморандума, доля сербского населения по переписи 1948 года составляла 14,8%, а по переписи 1981 года их число упало до 11,5%. Также отмечается факт отделения автономной области Воеводины от республики Сербии, стремление ее к самостоятельности. Но наиболее болезненно воспринимается факт изгнания сербов из Косово, которое идеологически основывается, как пишут авторы Меморандума САНУ, «на принципах, которые защищают автономию меньшинства (этнических албанцев)». «Физический, политический, правовой и культурный геноцид над сербским народом в Косово является исторически поражением, худшим из всех поражений, которые они

потерпели в освободительных войнах, которые Сербия вела, начиная с первого сербского восстания 1804 г. и до восстания в 1941 г.»¹⁸

Тем самым, делают вывод авторы документа, «...изгнание сербов из Косово свидетельствуют об их историческом поражении»¹⁹.

Оценивая положение республики Сербии в составе федеративной Югославии, авторы Меморандума САНУ оценивают его как «катастрофическое» в силу трех аспектов:

она отстает от других с экономической точки зрения;

она одна имеет автономии, и не смогла себя утвердить как целостное государство;

против сербов проводится политика геноцида на Косово.

««Геноцид» в Косово они считают самой серьезной угрозой, т.к. через десяток лет, если не будут остановлены существующие тенденции, Косово будет «этнически вычищено» от сербов. Судьба Косово, т.о., остается «вопросом жизни и смерти сербского народа». Срочность действий необходима и в отношении положения сербов в Хорватии: именно там они подвергаются «тонкой и эффективной политике ассимиляции»»²⁰.

Надо отметить, что на протяжении всего текста Меморандума встречается термин «сербская нация» и весь текст документа проникнут тревогой за судьбу сербского народа. Так авторы Меморандума пишут о войне, которую ведут против сербского населения косовские албанцы, физическом, политическом и культурном «геноциде» сербского населения в Косово и Метохии. Крайне отрицательно авторы Меморандума оценивают введение в Хорватии хорватского языка в качестве государственного: «согласно статье Конституции этот язык стал обязательным для сербов, живущих в Хорватии», «была проведена хорошо организованная компания, которая сделала хорватский язык максимально отличным от сербохорватского языка»²¹. В тексте документа подчеркивается, что «сербское культурное пространство разделено, и это сделано преднамеренно, политическим действием по созданию воеводинской, черногорской и боснийско-герцеговинской литературы, в то время как сербская демократическая история замалчивается или намеренно ошибочно интерпретируется»²².

Интерпретации исторических судеб сербского народа посвящена значительная часть Меморандума САНУ. Причем, это не только так часто цитируемый пассаж о том, что «сербы в Косово и Метохии имеют не только свое прошлое, отразившееся в ценнейших культурных и исторических памятниках»²³, но и рассуждения о роли сербов в освобождении Балкан во время борьбы за независимость от Османской империи, во время первой и второй мировых войн, а

также об исторической роли сербов в развитии Югославии в послевоенный период. Как бы подводя исторический итог почти двухвековому разрешению «сербского вопроса», авторы Меморандума делают вывод о том, что «историческим поражением сербов» является то, что «сербы не имеют собственного государства, как и все другие нации»²⁴.

Несомненно, что именно вторая часть этого документа вызвала резкую реакцию как прессы, так и политического руководства страны. Союзное министерство внутренних дел тогда возглавлял словенец Стане Доланц, который сразу начал атаку и на руководство Сербии, и на Академию наук, обвинив Академию в национализме, а руководство Сербии в том, что они допустили явное проявление национализма у себя в республике. Кстати, существует теория, что именно он стоял за публикацией этого документа.

Т. Марчинко (тогда идеолог партийного комитета г. Нови Сад) утверждал, что «никто не может ручаться за безопасность тех, кто хочет уничтожить югославскую политическую систему»²⁵, т.е. он обвинил академиков в стремлении к распаду Югославии.

Ветеранские организации и профсоюзы осудили этот текст. Йосип Врховец, представитель Хорватии в Союзном Президиуме, заявил, что Меморандум – «это результат деятельности хорошо организованного неприятеля»²⁶, он обвинил руководство Сербии в поощрении самого радикального национализма.

Остро отреагировал Иван Стамболич, в то время председатель Президиума Республики Сербии, который назвал Меморандум «Шовинистской инициативой»²⁷, которая разжигает вражду между народами Югославии. Он говорил, что Меморандум «вбивает нож в спину Югославии, Сербии, социализма, самоуправления, равенства, братства и единства»²⁸.

В защиту Академии выступили широкие общественные круги, в первую очередь из рядов сербской интеллектуальной элиты. Так, историк Сима Чиркович критиковал нападки на Академию и на авторов Меморандума, он заявил, что в этом документе Академия осталась верна своим основным принципам объективности, умеренности, критичности и рациональному научному духу. Известный поэт Матия Бечкович написал протестное письмо, которое подписали восемь академиков. В этом письме они высказались против критики Академии на основании того, что Меморандум был опубликован до того, как был одобрен на общем собрании Академии.

Бывший партизанский генерал и автор мемуаров Гойко Николич сравнил травлю академиков со Сталинским ультиматумом 1948 года.

Лидер сербской интеллектуальной оппозиции Д. Чосич осудил сербское руководство, которое несмотря ни на что продолжает «катастрофическую политику»²⁹. В свою очередь, Д. Чосич «признал моральное право Академии заботиться о будущем народа»³⁰.

В самой Академии Милош Мацура (председатель парторганизации САНУ), Антоний Исакович (ставший председателем комиссии по подготовке Меморандума), Душан Каназир (президент Сербской академии науки и искусства) заявили, что Академия не должна нести ответственность за документ, опубликованный таким «мутным» образом. Несмотря на эти протесты, из-за публикации Меморандума Академия была вынуждена отложить уже запланированное на ноябрь 1986 г. празднование своего 100-летия. А юбилейную сессию Академии, которая состоялась в мае 1987г.³¹, бойкотировало все политическое руководство Сербии.

В декабре 1986 года в Академии было организовано проведение специального общего собрания её членов с целью обсуждения текста Меморандума. Сербское руководство было уверено, что документ будет осужден. На собрании председатель сербского правительства В. Булатович прямо заявил, что Академия должна недвусмысленно осудить данный документ, доказав, что «он представляет мнение незначительного меньшинства»³². Однако в итоге только два академика согласились осудить этот документ – физик-ядерщик Павел Савич, член коммунистической партии с довоенного периода, и известнейший историк Васа Чубрилович, самый старый член САНУ.

Интересна реакция Слободана Милошевича, который тогда был председателем Центрального комитета Союза коммунистов Сербии. Несмотря на то, что он считается сербским националистом, Милошевич не поддержал тогда Академию, более того позже в своих выступлениях он никогда не ссылался на этот документ. Славолюб Джукич, наиболее известный автор политической биографии С. Милошевича, считает, что Милошевич «был лидером, который сам склонялся к идеям, заложенным в Меморандуме, но он знал, что каждый отступник от официальной линии может поплатиться политической карьерой»³³. В связи с этим, вероятно, можно не согласиться с версией, которая обвиняет Милошевича в причастности к публикации Меморандума. Как председатель ЦК СК Сербии, он был серьезно дискредитирован публикацией Меморандума.

Меморандум САНУ получил самую неоднозначную оценку в историографии. Наиболее жестко, как яркое проявление сербского национализма оценивает его Н.М. Неймарк. По его мнению, важность этого документа заключалась не столько в его реальном содержании, сколько в том, что за ним стояло. Веду-

щие сербские писатели и ученые во главе с Добрицей Чосичем и Антоние Исаковичем, считает Н. Неймарк, дали понять, что «в идеологии сербской интеллигенции произошла смена курса: от югославизма с оттенком сербского патриотизма к откровенному сербскому национализму и даже пансербизму». ³⁴

В российской историографии сложились диаметрально противоположные оценки Меморандума САНУ. Наиболее четко они выражены в работах Е.Ю. Гуськовой и С.А. Романенко. Так С. А. Романенко считает, что Меморандум стал «Манифестом националистов, мечтавших о превращении Югославии в «Великую Сербию», либо об объединении в одно государственное образования всех территорий, на которых проживают сербы»³⁵. В противоположность ему Е. Ю. Гуськова считает, что причиной написания Меморандума было «экономическое отставание Сербии, антисербские проявления в других республиках, где жили 25 % сербов, и рост там национализма, выраженные процессы дезинтеграции федерации»³⁶, и его нельзя считать националистическим. Суть Меморандума САНУ состоит как раз в том, что он не является программой создания «Великой Сербии». В чем то этот вывод перекликается с мнением Я. Драгович-Сосо «Меморандум также свидетельствует о том, что югославская политическая система завязла в грязи бюрократизма», в то же время «документ не отрицает ни идеологической основы, ни революционного наследия югославского коммунизма»³⁷.

Понять истинную роль Меморандума САНУ помогает приведенное в книге Д. Йовича выдержка из интервью с одним из авторов документа А. Исаковичем. Объясняя мотивы, которыми руководствовались члены Академии, приступая к написанию Меморандума, он подчеркнул: «Мы ясно заявили, что хотим Югославию, *только если* в ней Сербьы будут равноправны с остальными югославскими народами. Мы знали, что словенцы и хорваты не согласятся принять такую Югославию. Но мы хотели, чтобы они об этом ясно заявили и взяли на себя ответственность за это. И в действительности, не потребовалось много времени, чтобы словенцы и хорваты открыли свои взгляды на Югославию: они её поддерживали до тех пор, пока им она служила орудием для того, чтобы держать Сербию под постоянным гнетом... Конституцию, которую писали словенец Кардель и словенец-хорват Тито, была результатом такой уверенности. Поэтому Словения и Хорватия были против изменений в Конституции. Поэтому они держали Сербию под контролем, используя две автономии, Воеводину и Косово. Наконец, поэтому они разделили сербов на разные полугосударства, ослабляя их национальную идентичность. Это было главным аргументом в этом тексте, и с этим мы все соглашались».

Именно эта мысль является ключевой в ретроспективной оценке роли Меморандума САНУ: считать его документом, который выражает крайние националистические взгляды сербской интеллектуальной элиты, вероятно, не совсем верно: Меморандум САНУ представляет собой синтез двух идей: идеи югославизма и сербского национализма в его позитивном смысле. Но, объективно, в создавшейся ситуации в Сербии 80-х гг., Меморандум САНУ стал идеологической основой зарождения великосербского национализма. Его основные положения были утилитарно использованы политическим руководством Сербии во главе с С. Милошевичем для гомогенизации сербского народа в период «антибюрократической революции» 1988-1989 гг., а также, в свою очередь, были использованы сепаратистскими силами в других республиках СФРЮ, в частности в Словении и Хорватии, для оправдания своих сецессионистских акций и противодействия усилиям федерального центра по сохранению югославской федерации.

1 Гуськова Е.Ю. История Югославского кризиса (1990 – 2000). М., 2001. С. 60.

2 См.: Волков В.К. Этнократия - непредвиденный феномен посттоталитарного мира // Полис. 1993. №2.

3 Павловић С.К. Србија: историја иза имена / Стеван К. Павловић; превела с енглеског Ивана Газикаловић-Павловић. Београд, 2003. С. 227.

4 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla: uspon, kriza I pad Kardeljeve Jugoslavije: (1974-1990). Zagreb, 2003. S. 333.

5 Dragovic-Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i ozivljane nacionalizma / s engleskog prevela Ljiljana Nikolic. Beograd, 2004. S. 124.

6 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla... S. 345.

7 Ibid. S. 340.

8 Ibid. S. 370.

9 Mihailovic, Krestic Vasilije. Memorandum of the Serbian Academy of Sciences and Arts: Answers to Criticisms. Belgrade: Serbian Academy of Sciences, 1995. P.14-15.

10 Гуськова Е.Ю. Указ. соч. С 73.

11 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla... S. 362.

12 Dragovic-Soso J. Spasioci nacije: intelektualna opozicija Srbije i ozivljane nacionalizma / s engleskog prevela Ljiljana Nikolic. Beograd, 2004. S. 271.

13 Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts // [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.rastko.org.ey./istorija/srbja-balkan/html>.

14 Ibid.

15 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla... S. 364.

16 Ibid. S. 364 – 365.

17 Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts...

18 Ibid.

19 Ibid.

20 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla. S. 165.

21 Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts...

22 Jovic D. Jugoslavija: drzava koja odumrla... S. 366.

23 Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts...

24 Memorandum of the Serbian Academy of sciences and arts...

25 Jović D. Jugoslavija. Drzava koja je odumrla... S. 367.

26 Dragović – Soso. J. Spasioci nacije. Intelektualna opozicija Srbije i ozivljavanje nacionalizma. Beograd, 2004. C. 271.

27 Jović D. Jugoslavija. Drzava koja je odumrla. Zagreb 2003. C. 367

28 Dragović-Soso J. Spasioci nacije. Intelektualna opozicija Srbije i ozivljavanje nacionalizma. Beograd, 2004. C. 271.

29 Ibid. S. 273.

30 Ibid. S. 273.

-
- 31 См.: Рибих В. Подельена нација: српски национализм и политички сукоби у Србији, 1990-2000. Београд, 2005. С. 64.
- 32 Dragović-Soso J. Spasioci nacije... S. 272.
- 33 Ibid. S. 269.
- 34 Неймарк Н.М. Пламя ненависти: этнические чистки в Европе XX века / Под ред. Г.А. Бордюгова. М.-СПб., 2005. С. 234.
- 35 Романенко С.А. Югославия, Россия, и «славянская идея»: Вторая половина XIX – начало XXI века. М., 2002. С. 459.
- 36 Гуськова Е.Ю. Указ. соч. С 73.
- 37 Dragović-Soso J. Spasioci nacije... S. 261-263.